

Стрелка проступила сквозь солнечные блики – наручные часы показали без двадцати семь. Вспотевание в циферблат отвлекло от дороги. Ящерка выскользнула из-под башмака и грациозно утекла в траву. Дед на ходу проводил её взглядом, улыбнувшись и порадовавшись за её везучесть. В позапрошлом году он нечаянно раздавил такую же и целую неделю ходил сам не свой.

Йован медленно поднимался в гору оглядываясь, вспоминая о той трагедии и причитая: «Не зевай, жизнь очень быстрая штука. Не успеешь обернуться, а что-то в этой жизни уже не так. Вроде и дорога та, вроде и жасмин цветёт так же, но вот тот куст начал сохнуть. Видать, какая-то бяка к корням присосалась».

Йован нахмурился и погрозил кому-то в кусты жасмина, которые, словно арматура, переплели небо и землю. «Эта бяка, считай, тоже на хвост наступила».

Йован заметил трещину на асфальте. «Конечно, по сравнению с землетрясением – это мелочь. Тогда на хвост наступили целой стране, ладно, до нас только отголоски той трагедии донеслись. Засохший жасмин тоже перестанет кому-то тень давать, и побегут отголоски по траве». Йован услышал справа работу газонокосилки, остановился, поставил на землю сумку, в которой было десять непроданных бутылок молока, перевёл дух, а затем и взгляд – с жасмина на прозрачный металлический забор нового пятизвёздочного отеля «Мираж».

«Или вот этот отель. Быстро его построили. Мы наш дом с отцом два года подымали. А тут пять четырёхэтажных зданий за зиму выросли, бассейн наполнился, и зонтики, как пальмы, поднялись над шезлонгами».

За забором, на лежаке возле бассейна, громоздился волосатый мужчина в годах, похожий на крупного кота, одной рукой сжимавший высокий бокал с шампанским, а другой – набиравший номер на телефоне. Через секунду он уже оглашал окрестность властным басом. Йован прислушался, ему понравился русский язык.

– Сколько экскаваторов? Тридцать семь? Это хорошо. Доставка до Тюмени за наш счёт. Сегодня же с банком свяжитесь, пусть к вечеру сделают

банковскую гарантию. Тогда можно аван просить пятьдесят процентов. И пусть юрист Василий соберёт вещички и завтра летит ко мне. Я думаю, он не против будет на пару дней в Черногорию слетать, – чеширская улыбка сжалась в тоненькую воронку, и «кот», отпив шампанского, всем телом подмигнул лежащей рядом томной красотке, которая, подобно королевской кобре, расправила боковые складки и хищнически поглощала мужчину взглядом. Её бронзовая кожа переливалась на солнце волнами, которые двигались от кончиков пальцев до прекрасных глаз, неминуемо пробегая по всему телу и приоткрывая все тайны, щедро заложенные в ней природой. «Кот» каким-то чудом отвлёкся от девушки, заметил Йована и, поставив бокал, поднял руку и большой палец вверх, символизируя то, как ему хорошо. Йован тоже поднял руку и помахал в ответ. Десять непроданных бутылок молока, стоящих на земле, не позволили ему повторить жест и тоже поднять палец вверх – они намекали на несбыточность желания Йована купить новое платье для жены. Но эти жесты соединили двух совершенно непохожих людей из разных миров.

«Наверно, хороший человек. С плохим не свяжется такая красавица. И русский язык мне нравится, он энергичный. Вроде и похож на сербский, но резче, немного лающий. На таком языке командовать хорошо. Не такой, как немецкий, конечно».

Йован промокнул платком пот на лбу и взвалил палку на плечо, на конце которой висела котомка с бутылками молока и контейнерами с сыром. Солнце уже распахнуло ворота своего стойла, задев краешком вершину горы, но неугомонно, с жаром освещало предгорье. Йован растался несколько сожалеющим взглядом с русским, когда увидел, как тот, поставив бокал, взял кусок зелёного французского сыра и, словно фисташку, отправил его в рот. Непроданный сыр давил к земле.

«Наш сыр вкуснее... Я его, конечно, понимаю. Так надёжнее. Известное качество. Шезлонги, экскаваторы, сыр, температура воды – всё единообразно, никаких неожиданностей. Новый век всё уравнил. Двадцать лет назад внизу, в деревне, продавалось

двенадцать из пятнадцати бутылок молока, и это был неважный день. Десять лет назад – уже десять, теперь дай бог продать пять. А таскаю всё те же пятнадцать бутылок. Козы меньше доиться не стали».

Йован сошёл с асфальтовой дороги на грунтовую, выскочив из двадцать первого века в свой родной двадцатый. Соловьи, заливающиеся в соседней рощице, как будто сразу прибавили громкость. Хотя забор продолжался дальше, но строители посчитали бессмысленным продолжать асфальт выше – гости отеля туда не ходили или не доходили. Дорога резко взмывала вверх, как бы говоря: «Слабо?»

«За асфальт должен спасибо сказать отелю. А что-то язык не поворачивается. Сорок лет ношу вниз молоко, как дед умер, и суставы всегда были в порядке, а как асфальт положили, какие-то боли начались. Для нежити он хорош – для автомобилей», – мысль замерла вместе с Йованом. Он весь превратился в зрение, рассматривая глубокий грунтовый рисунок, образовавшийся после дождя.

«Надо же. И здесь что-то новое. Не мог я раньше такого не заметить. Рисунок в точности напоминает линию жизни на правой руке моей Милянки. Сколько раз я разглаживал эту ладошку? Как не стёр за пятьдесят лет природный рисунок? А как она пахнет, когда разотрёт траву для чая! Уткнёшься в неё носом – и будто пролетишь над садом». Йована, словно куропатку, подбил и вернул на землю громовой голос того же русского «тигра». Он не смог не обернуться, скинул палку с мешком на землю и остановился, с любопытством рассматривая диковинку.

– В смысле «теперь Василий работает на тебя»? Что значит «он никуда не полетит»? Что? Он занимается нашим с тобой разводом? Что? Ты ему предложила в два раза больше? – «тигр» проявил недюжинную прыть и соскочил с шезлонга.

– Каким разводом, Леночка? Ах, тебе прислали фотографии из Черногории? – Он закрыл рукой телефон и обратился к «королевской кобре»: – Ты выкладывала наши фото в Сети?

Не получив ответа, он понял по змеиным глазам, что ответ положительный, взревел, чуть не швырнул телефон в девушку, но, видимо, вспомнил, что там сейчас происходит очень важное, и снова обратился к нему:

– И что ты собираешься делать? В смысле «уже сделала»? Я понял. Пошёл.

«Тигр» сел, промахнувшись мимо шезлонга, ещё раз взревел от боли, подскочил, снова сел и замолчал, превратившись снова в «кота». Спустя несколько секунд продолжительностью в жизнь он посмотрел на свою девушку взглядом меелова. Она всё поняла и не без грациозности начала собирать свои вещи. Русский, как факир, достал бутылку чего-то крепкого и наполнил им бокал из-под шампанского.

«Кто-то присосался к твоим корням». Йован нахмурился. Фасад отеля стал темнее. Йован больно забросил палку на плечо, пошёл и, уже уходя, ещё раз посмотрел на рисунок на грунте. Теперь он напоминал трещину, такую же трещину, которая сейчас бежала и разрывала мир этого «кота», трещину, которую породили то ли фотографии в

«Инстаграме», то ли его глупость. Теперь мир этого русского уже навсегда будет обезобразен глубокой трещиной.

«У всего свой масштаб». Трещина стояла перед глазами Йована. Ему вспомнилось землетрясение 1979 года, когда он приютил нескольких беженцев из Котора. Они рассказывали про страшные трещины, пробежавшие по побережью и обезобразившие город, и рассекшие его на до и после, и преобразившие людей, живущих в нём. Их привезли на русском грузовике, и у них не было даже зубных щёток. Таких растерянных людей Йован не видел и во время войны, в начале девяностых. В том памятном семьдесят девятом году единственный месяц в своей жизни он не спускался вниз продавать молоко – его просто всё выпивали.

Мысли утекали вниз вместе с забором. Вот уже виден его край. Дальше дорога уходит налево, огибает скалу и приводит прямо к крыльцу дома. Выше только горы. Йован поднял голову и увидел ласточек, радостно встречающих его, пикирующих, исполняющих немемылимые пируэты, неподвластные самым совершенным самолётам. И не успел он насладиться мыслью о скором возвращении домой, как снова услышал голос «кота». Йован обернулся, не планируя останавливаться и не желая больше тратить времени на эту мыльную оперу. Красивой девушки не стало – она уже иссушивала чью-то другую жизнь, и смотреть было особенно не на что.

– В смысле «банк не даёт гарантию»? Они же всегда молились на нас! Что? Налоговая арестовала счета? Вычислили наши офшорные дела? – «кот» вновь проворно вскочил, замер и сказал уже тише:

– Я, кажется, знаю, откуда у них информация.

Слово «информация» только угадывалось по согласным звукам. В этот момент всё вокруг стало серым – солнце зашло-таки за гору и задёрнуло за собой шторы. Отель сжался до размеров шезлонга.

– Это она, моя королева! – произнёс он громко и чётко.

Йован почувствовал, как пространство проваливается в глотку «тигра-кота», словно в чёрную дыру, засасывая все пять четырёхэтажных зданий, забор, бассейн и какой-то кусок самого Йована. После того как всё было поглощено, тело русского осело и растеклось по кафельной плитке.

Часы показывали без десяти семь.

Официанты быстро подскочили к упавшему, взвалили его на шезлонг и унесли. Йован не помнил, как дошёл до крыльца, и очнулся, только когда Милянка, словно девчонка, выскочила из дома с новостью: «Коза дала потомство! Пять козлят! Такого не бывало!»

«Значит, теперь нести двадцать бутылок», – Йован, улыбнувшись, опустил на ступень и снова посмотрел на ласточек.

«Куплю я, пожалуй, не платье, а ткань, а Анастасия из деревни сошьёт его. Небольшие, а перемены».

Миляна села рядышком, обняла Йована и вложила свою ладонь в его руку.

«А трещинка на её ладони не разъединяет, а скрепляет».